

УДК 821.161.1

Стават Т.В.,
соискатель,
Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова

ПРОЧТЕНИЕ СОВЕТСКОГО МОСКОВСКОГО КОДА В ГИПЕРРЕАЛЬНОМ ХРОНОТОПЕ: ИНВЕКТИВА В СМЕХОВОМ АСПЕКТЕ (НА ОСНОВЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ “КЫСЬ”)

В романе Т. Толстой “Кысь” (2000) автор предпринимает попытку путешествия в будущее России, в котором четко обозначены контуры и ориентиры прошлого. Действие романа происходит в гиперреальном хронотопе – это Федоркузьмичск (Москва) после ядерной катастрофы, который, очевидно, олицетворяет всю Россию. Герои, населяющие это пространство, пытаются строить новую жизнь по старым, истрепанным и, казалось бы, исчерпанным схемам и чертежам. Именно поэтому “неолит” Федоркузьмичска очень напоминает неудавшуюся попытку построения коммунизма в России, о чем свидетельствуют советские топосы: Кремль, Красные Сани, Главный Санитар, Рабочая Изба, Первое Мая, Восьмое Марта, Октябрьский праздник.

Управляют жизнью в городе ограниченные и самовлюбленные “голубчики”, стремящиеся к укреплению своего всецелого господства над городом-страной. С этой целью и создана “санитарная служба”, приставлены к голубчикам мирзы-надсмотрщики, вводятся комендантские часы и издаются строжайшие указы-запреты, ограничивающие жизнь нищего духом и телом народа до максимального предела. В такой атмосфере выращиваются рабы, жизнь которых расписана различными циркулярами, а мысли о свободе отсутствуют.

В облике города все заметнее проступают черты пошлости, профанности. Торжествует массовидная обыденность, с легкостью приспособливающаяся лишь к поверхностно изменившимся жизненным формам.

Нарушают “беспросветное” существование голубчиков. Прежние интеллигенты, которые всеми силами стараются привнести в темную жизнь федоркузьмичан свет прежней культуры. Расставленные ими старательно столбы с надписями: “Никитские ворота”, “Балчуг”, “Полянка”, “Страстной бульвар”, “Кузнецкий мост”, “Волхонка”, “Арбат” – очерчивают советское московское пространство, являющееся в данном тексте фантомным, своеобразной трикстерской маской города-персонажа Федоркузьмичска.

Город равнодушно и враждебно взирает на “культурные столбы”, расставленные по всей округе, постепенно стирая и уничтожая следы чуждого ему прошлого. Своеобразное противоборство между Федоркузьмичском и Москвой, положенное в основу сюжета, является противоборством между двумя городами-топосами, играющими роль двух персонажей, составляющих некий трикстерский тандем. Олицетворением московского советского топоса являются в романе Прежние интеллигенты и перерожденцы, выступающие как две взаиморазрушающие

силы. Федоркузьмичск олицетворяет герой Бенедикт, в котором эти две силы слились в единое целое.

Сталкивая между собой два почти идентичных топоса, автор прибегает к резкому сатирическому высмеиванию саморазрушающей основы социалистической действительности, одним из приемов высмеивания становится постмодернистская игра, приправленная иронией. Именно это качество и отличает роман Т. Толстой от традиционной антиутопии. Трикстерское поведение героя Бенедикта особенно ярко проявляется в его отношении к так называемым революционным праздникам, особенно почитаемым и пропагандируемым в Федоркузьмичске: “Бенедикт Октябрьский Выходной терпеть не мог, – да и кто ж его любит, разве мурза какой, и то по должности <...>” [1, 179]. Как насмешка над самим фактом праздника выглядит и его “празднование”, которое превращается в пустой фарс: “Вот палец поплюнишь, к стенке приложишь и ведешь по стенке-то” [1, 179]; “а то нижнюю губу выпятишь и пальцем по ней дрынькаешь, а она вроде как хлопает: звук такой смешной, шлеп – шлеп” [1, 180]; “или просто ногти рассматриваешь” [1, 180]. Как видим, герой не только по своей душевной простоте “опошляет” культурные достояния прошлой эпохи, в его отношении к ним чувствуется ирония вполне зрелого человека, “прикинувшегося” убогим полудурком – юродивым. В его рассуждениях по поводу наставленных столбов-кодов социалистической Москвы слышится злоба и насмешка, а также разумное удивление. Этим и оправдывается желание голубчиков вырезать на столбах матерные слова, потому как “матерное интересно вырезать. Никогда не скушно. Вроде и слов немного, а слова-то все веселые такие. Бодрые” [1, 29].

Кроме того, Бенедикт ощущает экзистенциальный страх перед действительностью, который он и принимает за страшного зверя Кысь: “Кысь это, вот что! Кысь в спину смотрит!!! Бенедикта даже затошнило от страха, от нехорошего, под ложечкой сосущего чувства” [1, 98]. Являясь продуктом социалистической тоталитарной действительности, Бенедикт одновременно является глубоко чуждой ей, что превращает его в объект для насмешек автора.

Беспрецедентную трикстерскую игру автора-мистификатора мы наблюдаем в сценах, связанных с героями-перерожденцами, под масками которых автор шокирует не только читателей, но и других персонажей романа. Перерожденцы – люди, из прежних, только обросшие шерстью, в результате чего используемые голубчиками в качестве ездовых коней и рабов: “На ногах у них ноги, а на руках руки. Только грязные <...>” [1, 176]. Особенный интерес вызывает перерожденец по кличке Тетеря, который служит у тестя Бенедикта. Его поведение напоминает поведение такого же перерожденца Шарикова из булгаковского “Собачьего сердца”. Очевидно, автор, надевая маску Тетери, играет роль “неудавшегося эксперимента” профессора Преображенского. Это типичный забулдыга–сквернослов, “прилизанный” политическими лозунгами и идеями советской власти, которые он корыстно использует в целях материальных. Главное занятие Тетери-Шарикова, несмотря на маскарад времени, остается прежним – “давить котов” и ругаться

матом, особливо в адрес Пржежних інтеллігентів: “<...> очки напялять і розсуджати! Не дозволю <...> крапівне семя! Вдарить монтировкой <...>” [1, 234]. Данне поведіння переродженця являється своєобразною авторською інвективою советському вихолощенному культурному свіданню. В отличие от повісті Булгакова, в цьому романі некому вернуть в собачье обличчя Тетерю, котрий, пользуясь случаем, становиться міністром Нефтедобывающей і Нефтеперерабатывающей і совершает свое грязное дело – сжигает Федоркузьмичск дотла: “<...> і вал клубящегося огня, словно взбесившееся по весне Окаян-дерево, <...> простер красное крыло над ахнувшим і побежавшим народом, как птица мести, гарпия” [1, 314].

Таким образом, протівоборство двух ідентичных топосов – социалистической Москвы, столицы СССР, і гиперреального Федоркузьмичска приводит к полному их взаімоуничтоженію.

Характер взаімоотношений автора і персонажей романа Т. Толстой в целом представляет собой сатирическую інвективу в адрес социалистической системы, способствующей дезориентации личности в жизненном пространстве – умышленном отрыве ее от культуры, религии, знаний о мире. Основа подобного характера – в иронии, которая “направлена не на саму действительность, а на действительность как ценность, она разрушает само понятие ценности” [2, 208]. Двигателем подобной иронии является энтузиазм, “та творческая сила устремленности к бесконечному, нацеленности на бессмертие, благодаря которой хаос только і становится космосом, ценности выстраиваются в иерархию, которая, собственно, і делает их ценностями” [2, 208].

Литература

1. Толстая Т. Н. Кысь [текст] : роман / Татьяна Толстая. – М. : Эксмо, 2004. – 319 с.
2. Касаткина Т. В поисках утраченной реальности [текст] / Т. Касаткина // Новый мир. – 1997. – № 3. – С. 200–212.

Аннотация

В статье затрагивается проблема отображения протівостояния і самоуничтожения двух ідентичных городских топосов, порожденных советской идеологией. Характер отношений автора і персонажей романа “Кысь” Т. Толстой в целом представляет сатирическую інвективу в адрес социалистической системы, которая порождает дезориентацию личности в жизненном пространстве.

Ключевые слова: хронотоп, топос, постмодернистская игра, ирония, трикстер, сатирическая інвектива.

Анотація

У статті порушується проблема відображення протівоборства та самознищення двох ідентичних міських топосів, породжених радянською ідеологією. Характер взаємин автора та персонажів роману Т. Толстої “Кысь” у цілому являє собою сатиричну інвективу на адресу соціалістичної системи, яка спричиняє дезорієнтацію особистості в життєвому просторі.

Ключові слова: хронотоп, топос, постмодерністська гра, іронія, трикстер, сатирична інвектива.

Summary

The article deals with the problem of representation the opposition and self-destruction of two identical urban toposes caused by Soviet ideology. The nature of relationships between author and the characters of T. Tolstaya's novel "Kys" generally is considered to present itself the satirical invective to the address of Socialist system resulted in personality's disorientation in the life space.

Keywords: chronotop, topos, postmodern playing, irony, trickster, satirical invective.

ІСТОРИЯ ТА ТЕОРИЯ СУЧАСНОЇ МОВОЗНАВЧОЇ НАУКИ

УДК 811.161.1–119:070.41(045)

Нетреба М.М.,

аспірант,

Київський національний педагогічний
університет ім. М.П. Драгоманова

РАЗЛИЧИЕ И СХОДСТВО ПОНЯТИЙ “МОДУС” И “МОДАЛЬНОСТЬ”

В.З. Панфилов заметил: “Пожалуй, нет другой категории, о языковой природе и составе частных значений которой высказывалось бы столько различных и противоречивых точек зрения, как о категории модальности. Большинство авторов в ее состав включаются значения, самые разнородные по своей сущности, функциональному назначению и принадлежности к уровням языковой структуры, так что при этом категория модальности лишается какой-либо определенности” [22, 37]. Еще раньше В.З. Панфилов отмечал, что в языкознании нет единого мнения по вопросу отношения модальности языковой к модальности мысли [21, 183].

Между тем термин “модальность”, так же, как и термин “модус”, заимствован лингвистикой из логики, и необходимо начать именно с того, каким образом понимается модальность в логике.

Согласно Р. Карнапу, существует шесть видов модальности мысли: возможность, необходимость, случайность, невозможность, не необходимость, не случайность [14, 259]. Из них только случайность фактична.

Релевантными для языкознания – поскольку имеют языковую категоричность – являются оппозиции возможность / невозможность, необходимость / не необходимость (для случайности языковая форма, кроме лексической, отсутствует).

Кроме логики суждения, существует и логика оценки, которая признает выделение модальности желательности [12; 13]. Эта логическая модальность тоже имеет свою языковую форму.

Таким образом, три логические модальности (если пренебречь дроблением по принципу наличия / отсутствия негации) имеют свое языковое категоричное выражение. И языковой грамматической формой этих трех логических значений – возможности, необходимости и желательности, – служит наклонение [9, 41].

Грамматическим ядром понятия “модальность” мы считаем связь значений логических модальностей с языковой формой наклонения, причем периферия